

Алексей Миллер. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. 416 с.

Писать о предлагаемом вниманию читателя издании — занятие не совсем обычное. Книга, о которой пойдет речь, уже давно стала классической. Впервые она была опубликована в 2000 году в Санкт-Петербурге, три года спустя вышел ее английский перевод, и за время, прошедшее с тех пор, она успела оказать существенное влияние на понимание историками затронутых в ней сюжетов. И вот «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» профессора Центрально-Европейского университета Алексея Миллера, постоянного автора «Pro et Contra», и едва ли нуждающегося в представлении читателям журнала, снова вышел из печати. На этот раз — в киевском издательстве «Laurus». Являясь по сути переизданием оригинальной работы с незначительными исправлениями, монография соседствует под одной обложкой с тремя другими статьями Миллера (две из них написаны в соавторстве), также опубликованными ранее¹. Выход издания именно теперь не случаен. Он приурочен к 150-летию юбилею так называемого Валуевского циркуляра 1863 года — предписания министра внутренних дел Российской империи Петра Валуева цензурным комитетам о запрете на издание книг учебного и религиозного характера на украинском языке. Этот циркуляр является центральной проблемой для исследования Миллера и одним из ключевых событий XIX века для украинского исторического нарратива. С большой вероятностью можно предположить, что переиздание «Украинского вопроса» аккурат к юбилею имеет не просто символическое значение. Скорее, это попытка сделать текст очным участником украин-

ской интеллектуальной дискуссии, которая, как следовало ожидать, должна была возникнуть в связи с наступлением круглой даты.

Ниже я попытаюсь, насколько это возможно в рамках настоящей рецензии, обозначить контуры этой дискуссии. Но прежде — несколько слов о самой книге и о том, какие именно вопросы она приглашает переосмыслить. Алексей Миллер исследует процесс возникновения и становления украинского национализма в Российской империи во второй половине XIX века как вызова для представлений (далеко еще не устоявшихся) образованного общества о том, каким может и должно быть содержание «русскости» и где следует пролегать ее границы. Представления о национальных идентичностях в Юго-Западных губерниях еще только начинали складываться и были предметом широких общественных дебатов. Миллер называет это соперничество нескольких национальных проектов: украинского, общерусского, а также польского, каждый из которых предъявлял свои особые и исключительные права на одну и ту же территорию. Со временем в этот процесс вовлекались имперские структуры власти. Киевский генерал-губернатор, министерство народного просвещения, министерство внутренних дел, III отделение, цензурные комитеты, Синод, наконец, сам император участвовали в выработке политических решений по отношению к украинофилам, но все они руководствовались различными соображениями и преследовали разные цели. Вследствие этого имперская политика отличалась изменчивостью и непредсказуемостью; к тому же она была подвержена влиянию общественного мнения и, в свою оче-

редь, сама оказывала на него воздействие. Автор не отрицает жестокость репрессивных мер, но обращает внимание на то, что они были подчинены той же логике имперского национализма, которой руководствовались, к примеру, власти Франции в отношении крестьян Прованса или Британии в отношении жителей Шотландии. Причину же того, что, в отличие от них, общерусский проект в конечном итоге потерпел неудачу и остался всего лишь проектом, Миллер видит в неспособности российских властей предложить позитивную часть программы по национализации населения. Иными словами, империя запрещала, но не просвещала.

Среди предпринятых властями запретительных мер в борьбе с украинофилами две являются ключевыми. Кроме упомянутого выше Валуевского циркуляра (который сам министр Валуев рассматривал как временную меру), это также указ, подписанный Александром II в городе Бад Эмс в 1876 году, который еще сильнее сужал сферу употребления украинского языка, но все же оставлял авторам возможность публиковать свои художественные произведения при условии, что их рукописи пройдут предварительную цензуру. Каждая из этих мер была вызвана к жизни разными обстоятельствами и принималась в разных условиях; каждая проходила периоды существенного ослабления и далеко не всегда охотно исполнялась на разных уровнях имперской администрации — как в Киеве, так и в Санкт-Петербурге. Однако в украинском историческом нарративе они, как правило, предстают в виде этапных — и едва отличимых друг от друга — моментов единой телеологической схемы, согласно которой изначальным и безусловным стремлением имперских властей было доставить «возрождающейся» украинской нации как можно больше неприятностей.

Валуевский циркуляр выглядит более важным для национального украинского

мартиролога, чем Эмский указ, который хоть и отличается большей жесткостью предписаний, но тем не менее является вторичным. Особенно важно здесь то, что именно в нем использована знаменитая фраза «не было, нет и быть не может», к которой часто обращаются в публичном дискурсе так, как если бы это был окончательный вердикт, вынесенный империей украинскому языку^{*}.

Любопытную иллюстрацию того, как накладываются друг на друга образы двух запретительных мер, можно встретить у одного из наиболее интересных украинских писателей, а также одного из лидеров революционных событий 1917–1918 годов в Украине Владимира Винниченко. В своей трехтомной мемуарно-публицистической работе «Возрождение нации», написанной в Вене в 1919-м, он так характеризует положение, в котором пребывала украинская нация незадолго до революции: «Казалось, все было сделано чисто: закопано, засыпано, земля на могиле выглажена и песочком присыпана. „Никакого украинского языка не было, нет и быть не может“ — сказал в 80-х годах прошлого века один из выдающихся русских могильщиков Украины, притаптывая ногами землю на могиле. И, действительно, в то время не могло появиться в литературе ни одного слова на украинском языке. [...] Значит, будто полная смерть нации»².

Винниченко не называет имени этого могильщика. Едва ли можно предположить, что он запамätывал его имя из-за суматохи

* Примечательно, что эта фраза приобретает свой зловещий смысл путем отсечения от контекста, в котором она прочитывается совсем иначе: «самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши».

революции. Вероятно, он предполагал, что читатель без труда догадается, о ком идет речь, либо же просто хотел забыть Герострата. Что он действительно забыл, так это время и обстоятельства «произнесения» знаменитой фразы. Многим позже, в 1928 году, в своем «Открытом письме к Максиму Горькому», поводом к написанию которого послужила презрительная реплика Горького в отношении украинского языка, Винниченко провел прямую аналогию между Горьким и Валуевым. Там он датирует высказывание министра 1876 годом, то есть годом подписания Эмского указа. Еще раз и гораздо более эмоционально он обращается к теме циркуляра в своем эссе «Был, есть и будет» в 1948 году. Там с легкой руки Винниченко временная мера министра превращается то в «заповедь», то в «призыв», косвенная речь в тексте документа — в «восклицание», «крик» и даже в «зоологическое рычание», а в конце цитируемой фразы, конечно, уже добавляется восклицательный знак ³.

Легкость, с которой Петр Валуев поддается демонизации, и та простота, с которой принято объяснять причины появления его циркуляра, являются отличительными чертами многих украинских дискуссий об имперском опыте. Образы прошлого, предлагаемые публичными интеллектуалами, возможно удобны для усваивания обществом, однако они нередко приобретают гротескные черты. Так, профессор Римского университета «Ла Сапьенца» Оксана Пахлёвская говорит о Валуевском циркуляре как о «закономерном» следствии «глобальной имперской программы, открыто направленной на физическое уничтожение коренного этноса, на вытеснение его с собственной территории, на денационализацию его культуры и превращение свободного народа в коллективного послушного раба» ⁴.

Именно обманчивая ясность вопроса, возможно, послужила причиной того, что

в Украине не было хоть сколько-либо заметных и значимых дискуссий о Валуевском циркуляре. Обмен кивающими репликами в блогосфере словно подтвердил существование определенного консенсуса на этот счет. Из массмедиа, не оставшихся в стороне от юбилея, чаще всего и вполне ожидаемым образом о циркуляре вспоминали в киевской газете «День», традиционно много внимания уделяющей историческим сюжетам. Общая черта, объединяющая опубликованные в этой газете очерки, — неизменная уверенность авторов, что из истории можно и нужно извлекать уроки, поэтому главной задачей для каждого из них является попытка понять, какие именно. Для проректора и профессора Острожской академии Петра Кралюка юбилей Валуевского циркуляра стал удобным поводом поразмышлять о явлениях «национального предательства» и «национального коллаборационизма». Обращая внимание читателя на то, что циркуляр был принят с подачи украинца, киевского цензора Ореста Новицкого, он предлагает использовать знание об украинофобах прошлого в целях борьбы с украинофобами настоящего. Для этого достаточно сперва «хотя бы выпустить книгу под названием „Украинцы против Украины“, где рассказать о самых известных украинских украинофобах. А еще учредить премию „Украинский Иуда“ с призовым фондом в тридцать сребреников» ⁵.

Автор другой заметки, профессор Киевского национального университета имени Шевченко Николай Тимошик проводит прямую линию преемственности между циркуляром, «позорным в истории всей человеческой цивилизации», и социалингвистической ситуацией в Украине в настоящее время. «Последствия отработанного веками механизма уничтожения всего украинского», утверждает автор, ощущаются и по сей день. В их числе и скандальные политические

инициативы правящей партии, связанные с изменением статуса русского языка. Попытки внедрить в отдельных регионах государства второй официальный язык побуждают, по словам Тимошика, «пристальнее вникать и анализировать уроки истории»⁶.

Преимущественно информативный характер имеет статья редактора исторического отдела газеты Игоря Сюдюкова. Автор повествует об историческом фоне, который делает понятным и закономерным появление циркуляра, то есть о «вековом» — от Алексея Михайловича до генсека Юрия Андропова — курсе на уничтожение украинского языка, «крово- и животворной системы бытия народа». Рассказывая предысторию появления циркуляра, он называет его «одной из наиболее brutальных и лицемерных (и потому — наиболее подлых) акций антиукраинского лингвоцида». Интересен другой момент: из трех иллюстраций, использованных в статье, первая представляет собой портрет Петра Валуева, вторая — портрет Александра II, а третья — изображение самого циркуляра, на поверку, впрочем, оказавшееся копией страницы из монографии Алексея Миллера⁷.

Совсем другое впечатление производит эссе львовского историка Марьяна Мудрого на портале «Zaxid.net». Автор рисует сложный и взвешенный образ имперской ситуации, которая привела к появлению Валуевского циркуляра, само название которого «вобрало в себя весь негатив украинско-российских взаимоотношений». Мудрый не предлагает читателю извлекать уроки из исторических событий. Более того, он признается, что не верит в поучительность истории. Чего, по его мнению, действительно не хватает украинской историографии, так это не поучительности, а «более широких исторических контекстов». Читая это эссе, нетрудно заметить влияние «Украинского вопроса» на авторскую интерпретацию описываемых им событий, да и сам он ссылается

на Алексея Миллера. Об этом влиянии говорят даже текстуальные заимствования в виде некоторых ёмких и образных стилистических фигур⁸.

Еще одно обсуждение Валуевского циркуляра состоялось в рамках программы «Ваша Свобода» на «Радио Свобода», в которой приняли участие историк, специалист по XIX веку Валентина Шандра и литературовед Владимир Панченко. Панченко обратил внимание на то, что Валуев имел основания ссылаться на приведенное им мнение «большинства малороссиян», а также на то, что, несмотря на всю суровость цензурных запретов на украинскую литературу, существовали возможности ее обходить, поскольку «законы в Российской империи никогда не исполнялись хорошо». Профессиональный разговор, лишенный морализаторства и апеллений к эмоциям слушателя, все же не смог обойтись без аллюзий на современность, когда Владимир Панченко сравнил Михаила Юзефовича, инициатора Эмского указа, с нынешним одиозным министром образования и науки Украины Дмитрием Табачником, который известен скандальными выпадами в адрес носителей украинской национальной идентичности. Эти мимоходом сказанные слова (сравнение Юзефовича с Табачником) были подхвачены редакцией, став заглавием всего выпуска передачи⁹.

На государственном уровне юбилей Валуевского циркуляра отмечен не был, хотя возможность для этого имелась. Оппозиционные народные депутаты Верховной Рады Олесь Доний и Александр Бригинец выступили с инициативой законопроекта «О 150-летию Валуевского циркуляра как позорного акта, направленного на уничтожение украинского языка» (эта содержащаяся в названии формулировка должна была стать юридически легитимной дефиницией). Предусматривалось, что Валуевский циркуляр, «одно из ярких

проявлений шовинистической политики российского самодержавия, направленного на усиление национального, духовного и политического гнета украинского народа» получит свою «объективную» оценку в правовом поле. Коммеморация предусматривала проведение в вузах тематических конференций, лекций и круглых столов с параллельным запуском научно-популярных программ по радио и телевидению. Такие меры, по убеждению авторов законопроекта, стали бы «проявлением заботы государства о государственном языке, способствовали недопущению повторения притеснений украинского языка». На персональном сайте Бригинца циркуляр, «одно из самых больших юридических преступлений, совершенных Российской империей в отношении нашей [украинской] нации», был назван причиной проблем украинцев в отношении употребления украинского языка. На той же странице, на которой приводился этот текст, была размещена и ссылка на текст Валуевского циркуляра, в свою очередь ведущая к электронному варианту книги Миллера¹⁰. За месяц до дня юбилея, 19 июня, законопроект был одобрен Комитетом Верховной Рады по вопросам культуры и духовности, но сам парламент вскоре ушел на каникулы. Впоследствии законопроект с подачи парламентского большинства был исключен из повестки

дня очередной сессии Верховной Рады как «спорный»¹¹.

Как я пытался бегло и в самых общих чертах показать, осмысление места Валуевского циркуляра в украинском историческом нарративе все еще требует серьезной рефлексии. Поэтому выход книги Алексея Миллера в Киеве можно только приветствовать. Однако от переиздания можно было бы ожидать большего внимания к определенным деталям — там, где этого требует характер приводимых сведений. Например, информация автора об отсутствии современного переиздания книги Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» (Киев, 1912) уже устарела, так как это переиздание появилось еще в 2004 году¹².

Можно было бы пожалеть и еще об одном обстоятельстве: книга не была переведена на украинский. Позволю себе предположить, что каждое из утверждений автора звучало бы для многих украинских читателей более убедительно, если бы оно было высказано на языке, с которым так жестоко обходились протагонисты его повествования. Это, конечно, не вопрос «исторической справедливости» и не проблема коммуникации. Речь не о языке как средстве сообщения, но это как раз тот случай, когда сообщением стал бы сам язык. Напоминанием читателю, что прошлое осталось прошлым. ■

АЛЕКСАНДР ПОЛЯНИЧЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 263–285; Miller A., Ostapchuk O. The Latin and Cyrillic Alphabets in Ukrainian National Discourse and in the Language Policy of Empires // A Laboratory of Transnational History. Ukraine

and Recent Ukrainian Historiography / G. Kasianov, Ph. Ther (eds). Budapest: CEU Press, 2008. P. 167–210; Котенко А., Мафтынюк О., Миллер А. Малоросс // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода / Под. ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Т. 2. М.: НЛО, 2012. С. 392–443.

² Винниченко В. Відродження нації. Частина I. Київ – Відень, 1920. С. 35. Название главы, из кото-

рой взят этот пассаж, еще более ёмко: «Крест на могилах нации: „Не было, нет и быть не может“».

³ Винниченко В. Публіцистика / Упорядник і редактор В. Бурбела. Нью-Йорк — Київ, 2002. С. 191—198, 292—302.

⁴ Пахльовська О. Проблема спадщини в українській культурі та форми її імперської експропріації // Ave, Europa! Статті, доповіді, публіцистика (1989—2008). Київ: Пульсари. С. 73.

⁵ Кралюк П. Валуєвський циркуляр і «група 148» // День. № 135. 2013. 1 серпня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-i-grupa-148>).

⁶ Тимошик М. Валуєвський циркуляр: як, ким, чому? // День. № 123. 2013. 17 липня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-yak-kim-chomu>).

⁷ Сюндюков І. Ще раз про Валуєвський циркуляр // День. № 125. 2013 18 липня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/istoriya-i-ya/shche-raz-pro-valuievskiy-cirkulyar>).

⁸ Мудрий М. Циркуляр // Zaxid.net. 2013. 31 липня (<http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?tsirkulyar&objectId=1290518>).

⁹ 150-ліття Валуєвського циркуляру: Юзефович — це «Табачник 19-го століття»? (<http://www.radiosvoboda.org/content/article/25035485.html>).

¹⁰ Бригинець хоче засудити Валуєвський циркуляр на державному рівні (<http://bryhynets.com/?nma=news&fla=stat&nums=5299>).

¹¹ Ср. весь перечень исключенных законопроектов: <http://static.rada.gov.ua/zakon/new/WR/PD7-3d2.htm>; а также информацию о законопроекте: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?id=&pf3511=47399

¹² Щеголев С. История «украинского» сепаратизма. М.: Имперская традиция, 2004.